

С чисто художественной точки зрения это переводное произведение также «уместно» как раз в этот период. По стилю «Притчи» Любомирского — реликт вкусов и эстетических пристрастий полонофильской партии конца XVII в.

Случайно получилось так, что время перевода совпадает с условной границей древней и новой литературы. «Притчи», с одной стороны, и «Езда в остров Любви» — с другой (единственное художественное сочинение, напечатанное в 1730 г.), символически обозначают эту границу. Оба барочных сочинения, созданных в одно время («Притчи» в 1666 г., а роман П. Тальмана в 1663 г.), были переведены с большим опозданием. Противостояние этих переводов на русской почве очевидно, начиная от культурной ориентации (консервативное полонофильство и ориентация на страны Западной Европы). Достаточно напомнить, что Тирсис «поехал в одну землю, которая называется Роскошь»,³⁸ а в «Притчах», напротив, утверждается, что «родихомся поистине... не к роскошам». Противостоят друг другу «простое русское слово» Третьяковского и «глубокословная славенщизна» переводных «Притч».

После 1730 года польская поэзия в оригинале или переводе уже выходит за пределы чтения аристократии и интеллигенции. Если в 1735 г. Третьяковский в «Эпистоле» еще неопределенно высказался о польской поэзии:

Чрез тебя гласит стихом польская спесиво,
Иногда ж весьма умно и весьма учтиво,³⁹

то С. Г. Домашнев в 1762 г. просто отказывает ей в праве на существование: «Польский язык не был способен к стихам; и хотя на нем оные и пишут, однако никто себя отменно не оказал».⁴⁰ Богатство польской поэзии пришлось заново открывать уже русскому романтизму.

³⁸ Езда в остров Любви. Переведена с французского на русский Василием Третьяковским. 2-е изд. СПб., 1778, с. 3.

³⁹ Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963, с. 393.

⁴⁰ Домашнев С. Г. О стихотворстве. — В кн.: Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 189.